

ЗА КАДРЫ ВЕРФЯМ

Специальный выпуск
110 лет Е. В. Товстых

ГАЗЕТА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО МОРСКОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Издается
с сентября 1932 года

В 2015 ГОДУ ИСПОЛНИЛОСЬ 110 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЕВГЕНИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ТОВСТЫХ

Выдающийся ректор «Корабелки» Евгений Васильевич Товстых руководил институтом в великую эпоху создания флота страны, когда реализовывались основные судостроительные программы, когда были выпущены тысячи творцов – исполнителей этих программ. Он обладал особым стилем работы с людьми – результативным и одновременно демократичным и гуманным. Справедливо говорили о нем уважаемые профессора нашего вуза: «Евгений Васильевич не был крупным ученым в какой-либо узкой области, не был доктором наук, но он был академиком человеческих душ и взаимоотношений, корифеем в решении поставленных жизнью задач».

В силу различных причин ЛКИ оказался к весне 1945 г. в прорыве, реэвакуация и начало учебного года 1 сентября оказались под угрозой срыва. К маю застопорился ремонт учебных зданий и общежитий, не поступали стройматериалы. Были трудности с пропиской, поселением и обеспечением продовольственными карточками студентов и сотрудников, вернувшихся из эвакуации.

В начале июня на Коллегии Наркомата был принят план восстановления ЛКИ и директором института назначили Евгения Васильевича. В кратчайший срок он наладил связи с

заводами, которые присылали стройматериалы и бригады ремонтных рабочих. Первого сентября 1945 г. на всех факультетах института приступили к занятиям 1255 студентов.

С тех пор пошел процесс развития ЛКИ: был создан по-настоящему высококвалифицированный преподавательский корпус, началось оснащение кафедр и лабораторий. Планируя постепенно расширять объем научной работы, опираясь на поддержку промышленности, Евгений Васильевич организовал строительство новых зданий для ЛКИ на Лоцманской улице и в Ульянке, спортивных водных комплексов – яхт-клуба и гребной базы на Крестовском острове.

Огромное хозяйство института, разнообразие запросов и противоречивость интересов специалистов и подразделений требовали от ректора умения быстро, решительно и правильно выбрать направление действий. Это редкий талант, и Евгений Васильевич в полной мере обладал им. Он смело выдвигал на ответственные посты молодых специалистов, в то же время бережно и чутко относился к старшему поколению профессоров и доцентов.

Проработал Евгений Васильевич на посту директора, потом ректора института более 30 лет.

В этом году исполнилось 110 лет со дня рождения Евгения Васильевича.

29 октября мы будем открывать памятную доску в честь первого ректора ЛКИ, Евгения Васильевича Товстых. Но она посвящена не только ему. На доске есть еще две фамилии – Дмитрия Михайловича Ростовцева, который сменил Евгения Васильевича на должности ректора и достойно продолжил его дело. Это именно Д. М. Ростовцеву наш университет обязан тем, что в структуре СПбГМТУ есть Приморская экспериментально-опытная база. Это он продолжил строительство и развитие комплексов зданий нашего университета на Ленинском проспекте.

На этой доске есть и третья фамилия – Паулюса Ионо Плесевичуса (Павла Ивановича), который в течение долгого времени был проректором по капитальному строительству и при Е. В. Товстых, и при Д. М. Ростовцеве. В значительной степени и его усилиями были построены все те здания, которыми на сегодняшний день располагает наш университет.

Пусть новые поколения студентов помнят имена этих достойных людей, вошедших в историю нашего университета.

Евгений АППОЛОНОВ,
и.о. ректора СПбГМТУ

ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ТОВСТЫХ

В 1933 году окончил Николаевский кораблестроительный институт. С 1933 года – на Балтийском судостроительном заводе. Помощник сборочного мастера, мастер, начальник участка, начальник корпусного цеха, строитель кораблей. С 1939 г. – директор Балтийского судостроительного завода. С 1941 по 1945 г. – директор судостроительного завода в Зеленодольске. В 1945 году назначен директором Ленинградского кораблестроительного института. С 1958 по 1976 г. – ректор ЛКИ.

В общей сложности руководил ЛКИ более 30 лет.

В 1959 г. защитил кандидатскую диссертацию. Основал филиалы ЛКИ в Северодвинске (Севмашвуз) и Дагестане.

Заслуженный деятель науки и техники Дагестанской

АССР. Почетный доктор Гданьской Политехники и Ростокского университета.

Награжден орденами Красной Звезды, «Знак Почета» (дважды), Ленина, Трудового Красного Знамени, Октябрьской Революции, Дружбы народов, Кирилла и Мефодия первой степени, медалями.

ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ РОСТОВЦЕВ

В 1953 году окончил Ленинградский кораблестроительный институт. Доктор технических наук, профессор. Академик Академии транспорта РФ.

С 1959 года преподавал на кафедре строительной механики корабля ЛКИ.

Профессор университета Рио-де-Жанейро (1969-1971 гг.).

С 1976 по 1998 год – ректор ЛКИ, заведующий кафедрой

конструкции судов. Руководил Ленинградским кораблестроительным институтом более 20 лет.

Занимался исследованиями по проблемам снижения интенсивности акустического поля кораблей.

Организовал строительство научной базы ЛКИ в Приморске. Внес большой вклад в обеспечение строительства учебно-научного корпуса, двух общежитий, библиотеки и других объектов ЛКИ, а также в оснащение института современным оборудованием. В 1980-1990-е гг. привлёк для преподавания в институте крупных математиков и физиков, начал обучение по гуманитарным специальностям. Награжден орденами Трудового Красного Знамени и Октябрьской революции, Золотой медалью общества корабельных инженеров Бразилии.

ПАУЛЮС ИОНО ПЛЕСЕВИЧУС

Окончил ЛКИ. С 1970 по 1998 год – проректор по капитальному строительству ЛКИ.

Будучи студентом, организовал студенческое самоуправление в общежитии ЛКИ.

При непосредственном участии Паулюса Плесевичуса в общежитии на Стачек, 88

были сделаны: санаторий-профилакторий, библиотека, читальный зал, клуб «Корабел», мастерская кукольного театра, залы бокса и борьбы, кинозал, футбольное поле.

Под руководством Е. В. Товстых, и впоследствии, Д. М. Ростовцева, П. И. Плесевичус организовывал и обеспечивал строительство многих объектов ЛКИ. Таких как комплекс зданий ЛКИ на Ленинском проспекте, корпус на Лоцманской, 8, проектирование и строительство гребной базы ЛКИ, научно-учебной базы в Приморске, строительство общежитий в Ульянке, КБЦ и многое другое.

ГЛЯДЯ В БУДУЩЕЕ

ПОМНИМ И ЧТИМ ПРОШЛОЕ, СТРОИМ БУДУЩЕЕ

Е. В. Товстых, Д. М. Ростовцев и П. И. Плесевичус занимали высшие руководящие должности в нашем вузе в разные годы, занимались развитием ЛКИ-СПбГМТУ по многим направлениям. Но один объект университета объединяет всех троих – комплекс зданий на Ленинском проспекте. Во-многом, именно их усилиями воплощен в жизнь этот проект. К сожалению, в силу разных причин, объективных и субъективных, во времена СССР проект не удалось реализовать полностью.

Но в настоящее время, когда руководство страны всерьез взялось за строительство флота и модернизацию системы высшего образования, у нашего университета появился реальный шанс на новый этап своего развития.

Сегодня существует концепция развития имущественного комплекса нашего университета, которая нацелена, в долгосрочной перспективе, на объединение расположенных в различных районах города шести площадок в единый кампус на находящейся под управлением СПбГМТУ территории площадью 16 га на юго-западе Санкт-Петербурга (Ленинский пр., 101).

Таким мечтали видеть комплексе зданий ЛКИ-СПбГМТУ в Ульянке Е. В. Товстых, Д. М. Ростовцев и П. И. Плесевичус

Создание кампуса позволит поднять кораблестроительное образование на новый уровень развития. Его местоположение оптимально по ряду критериев, в частности, удобное для абитуриентов расположение в центре крупного юго-западного жилого массива, удаленного от большинства других технических вузов города, близость к научным центрам, проектным бюро и судостроительным верфям.

В настоящее время разработанная концепция развития СПбГМТУ,

составной частью которой является и строительство кампуса, получила поддержку со стороны Минобрнауки России, правительства и губернатора Санкт-Петербурга Георгия Полтавченко, представителя президента России по Северо-западному региону Владимира Булавина, Совета безопасности России и президента Российской Федерации Владимира Путина.

Рассматривается вопрос о включении строительства кампуса СПбГМТУ во второй этап Федеральной целевой программы развития образования на 2018-2020 гг.

Ведется разработка архитектурной концепции единого кампуса университета, решается вопрос финансирования проектных работ и работ по государственной экспертизе проекта.

Если масштабную задачу строительства современного кампуса СПбГМТУ удастся реализовать в полной мере – это станет мощным толчком к развитию не только нашего университета, но, вероятно, и всего российского кораблестроительного образования в целом.

Денис КОРНИЛОВ

Е.В. ТОВСТЫХ – ПЕРВЫЙ РЕКТОР ЛКИ

ПАМЯТИ ЧЕЛОВЕКА

СТУДЕНТЫ И ДИРЕКТОР

Поступив в ЛКИ в 1941 году и вернувшись в него в мае 1946-го после четырех лет службы в Красной и Польской армиях, я, естественно, смотрел на своих преподавателей, как на старший командный состав – то есть с опаской. Декан представлялся чем-то вроде командира полка... Ну, а директор института – никак не ниже командира дивизии. Мимо его кабинета хотелось идти строевым шагом.

... Довольно скоро все это прошло: преподаватели тоже оказались «закаленными» – кто на заводах в тылу, в том числе и в таком «тылу», как судостроительные заводы блокадного Ленинграда, в эвакуированном в Горький и Пржевальск институте, кто-то и на фронте. Прекрасно нас понимали.

А директор, Евгений Васильевич Товстых, оказался вообще мировым дядькой, прошедшим серьезнейшую школу жизни. Уже в 15 лет – телеграфист на почте. Комсомолец, боец ЧОН. По направлению комсомола в 1926-1929 – учеба на рабфаке и одновременно – работа на судостроительных заводах Николаева судосборщиком и разметчиком. В 1933 г. выпускник Николаевского кораблестроительного института приехал в Ленинград, прошел через проходную Балтийского судостроительного завода, дошел до корпусного цеха, открыл дверь и начал успешно преодолевать ступеньку за ступенькой: помощник мастера – мастер – старший мастер – начальник участка... Потом уже не ступеньки, а вершина за вершиной: стажировка в Италии на судостроительных заводах фирмы «Ансальдо» – начальник цеха родного Балтийского завода, в 1939 г. – директор завода! Прикиньте – путь от первого шага на заводе до его директора – за 16 лет! И какого завода! Советский Союз строил тогда Большой Военно-морской флот. На Балтийском заводе строили подводные лодки, эсминцы, крейсера, мощные ледоколы и линкор «Советский Союз». Кстати, предполагалось строительство шести линкоров. Заложены были три: еще «Советская Россия» в Северодвинске и «Советская Украина» в Николаеве. Линкоры были мечтой Сталина и всей страны... Заодно вспомните и обстановку, в которой работали руководители промышленности в тридцатые годы...

Начавшаяся война изменила все программы строительства, а Е. В. Товстых в ноябре 1941 г. был назначен директором судостро-

тельного завода в Зеленодольск (под Казанью). Вместо крейсеров – бронекатера с танковыми башнями, прямо с завода идущие в бой под Сталинград.

Завод впитал в себя эвакуированную из Киева «Ленинскую кузницу», построил новые цеха под новые производства. К концу войны завод разросся в три раза. Появился прекрасный Дворец Культуры, ТЮЗ.

Через месяц после окончания войны судьба Е. В. Товстых круто изменилась, и стал по приказу НКСП от 7 июня 1945 г. директор-строитель кораблей – директором Ленинградского кораблестроительного института, – «строителем» новых поколений инженеров. Мудрые люди сидели в Народном Комиссариате Судостроительной Промышленности – ошибки в выборе не произошло.

Естественно, все что я здесь написал – мы, студенты-первогодки, узнавали позднее, постепенно. Для меня же впереди был 31 год совместной работы с Евгением Васильевичем. Можно сказать, совместной жизни.

На Корфаке в 1946 г. начали учиться 170 человек. Почти половину составляли участники войны: от солдата до капитана. Это были люди с орденами и ранениями, –назову диапазон: разведчик, старшина Борис Пушканский с четырьмя (или пятью?) орденами «Отечественной войны» (такого количества не было больше ни у кого на курсе) и артиллерист, капитан Наум Мошенский с орденом «Боевого Красного Знамени» (самый боевой орден из всего потока – только у него), – но это были люди, начисто разучившиеся учиться. Мы засыпали на лекциях, забыли тонкости, да, пожалуй, и основы школьной математики, физики, химии, отвыкли держать карандаш во время черчения...

МЫ ВСЕ ХОТЕЛИ УЧИТЬСЯ!

О, как мы все хотели учиться! И КАК мы учились!!!

Наши преподаватели потом десятилетиями передавали новым поколениям студентов легенду, в воспитательных целях, разумеется, о том, как учились люди, пришедшие с войны.

Учиться было трудно и в материально-бытовом плане.

Сейчас, наверное, мало кто знает, что платное обучение в вузе совсем не Гайдар и прочие реформаторы придумали. Взгляните на квитанцию № 1383 – плата за обучение за I полугодие 1946/1947

учебного года. 200 руб. за полугодие, 400 рублей за год – почти две месячные стипендии. Но надо подчеркнуть, и «жирной линией» подчеркнуть, что столько же сохранилось и через пять лет – в 1951/1952 учебном году.

А добровольно-принудительная ежегодная подписка на Государственный займ – в размере месячной стипендии?

А помогать родителям?.. А у кого-то уже и семьи появились... Содержать надо. А карточная система сохранялась... И постоянно хотелось есть...

И вот в этой обстановке все мы – студенты – почти сразу почувствовали: директор у нас – Человек! Превосходный организатор, заботливый «отец студентам».¹

У директора, конечно, были проблемы помасштабнее наших личных: поврежденные здания, бывшие учебные аудитории без мебели и электричества, пришедшее в негодность лабораторное оборудование, острая проблема учебной литературы – книги из библиотеки остались в 1941 г. на руках у студентов, ну а те студенты в большинстве остались на полях войны... Серьезная головная боль – общежития: ремонт, кровати, белье, посуда, кипятильник, дисциплина...

Надо восстанавливать выпуск институтской газеты «За кадры верфям»: последний, еще мирный номер, вышел 21 июня 1941 года, послевоенный № 1 – 3 декабря 1946 года. Надо приучать студентов к научной работе – уже в октябре 1947 года проводится первая конференция участников студенческих научных кружков при кафедрах и провозглашается создание студенческого научно-технического общества. Многие крупные ученые делали свои первые шаги в науку в СНО ЛКИ. Надо восстанавливать спортивные секции, организовывать культпросветработу... Надо организовывать субботники по заготовке дров, работать на закладке Московского парка Победы. Надо подкармливать студентов – в столовой по специальным талонам со штампом профкома «УДП» в дополнение к еде по карточкам иногда можно было получить тарелку супа из ботвы и жмыха или котлетку из чего-то съедобного, но точно не мясного (не терявшие чувства юмора расшифровывали это УДП – «умрешь днем позже»). Приехавшие учиться в ЛКИ из других городов и районов страны и проживающие в общежитии ор-

ганизовывали коммуны, присылаемые время от времени из дома крупы или сало объединяли, и дежурные варили «супокашу».

Надо помогать студентам и одежкой: демобилизованные почти все ходили в том, в чем их отпустили из армии, сняли только погоны да пуговицы перешли на гражданские. Мальчики и девочки, пришедшие прямо из школы, нарядами тоже не блистали. Помогал все тот же профком – выдавались талоны на мануфактуру. Помню, как мне предложили талоны ... на галоши. Устроил обструкцию – никогда в жизни галош не носил – и попросил выделить талон на гражданские брюки. Уважили? Пожалуй – нет, иначе такое событие запомнил бы.

Многим надо было помогать восстанавливать здоровье: из армии пришли и тяжелораненые, а среди ленинградских школьников было много надорвавших здоровье в блокаду. Большинство из ленинградских школьников тоже работали, кому где удавалось – не исключая, что и на почте, как наш директор в юные годы. Профком добывал путевки в санатории и дома отдыха.

После такого, даже беглого, перечисления становится понятно, почему на каждом заседании Большого (общейинститутского, были еще и факультетские) профкома присутствовал, да не просто задумчиво сидел, а активно участвовал сам директор Товстых. Евгений Васильевич неизменно выбирался членом парткома – политического центра института, часто приходил на заседания факультетских профкомов, на заседаниях студсовета общежитий бывал обязательно. Награды победителям спортивных соревнований вручал лично. Знал многих студентов по фамилиям и по заслугам.

Студентом 3-го курса я был выбран зам. Секретаря партбюро (позднее парткома) института. Второй раз подряд занимал этот

пост аспирантом, позднее – преподавателем много раз избирался членом партбюро, секретарем партбюро факультета, председателем профбюро и т.д.

Жизнь и работа в гуще людей и их проблем (то, что принято было называть общественной работой, и что не так уж мало студентов стремилось избегать: отвлекает от учебы, потеря времени и пр.) мне нравилась. У меня был прекрасный пример и Учитель, ведущий по этой Школе жизни. Со всей пролетарской прямоотой так и скажу – это был хороший Учитель.

КОМАНДИРОВКИ В ПОЛЬСКУЮ НАРОДНУЮ РЕСПУБЛИКУ

В 1958 году в СССР был создан «Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами» (ССОД), массовое добровольное объединение советских обществ и организаций, ставящих своей целью развитие и укрепление дружбы и культурного сотрудничества народов Советского Союза и зарубежных государств.

Хочу отдать должное моему мудрому и всеми уважаемому ректору.² Узнав о создании ССОД, а в его составе – Общества советско-польской дружбы, Евгений Васильевич увидел перспективность ОПСД и немедленно поставил задачу – Алексей, надо войти в это общество! Действуй! Через месяц я доложил об исполнении.

А в октябре 1960 года снизошло благодеяние, и спустя 15 лет я снова поехал в ПНР – первая научная командировка в Гданьскую Политехнику для установления контактов. В то славное время поездки за границу оформлялись ну очень серьезно: рекомендация кафедры, потом – факультета, потом – особая комиссия райкома партии, незримо присутствовало спецотдел...

Ездили через Москву, через отдел науки ЦК КПСС, инструктаж, аж жуть! Это мне-то, прослужив-

Выпускники Николаевского кораблестроительного института. Е. В. Товстых – слева в нижнем ряду (сидит).

Черное море. Экипаж ЯЛ-6. Е. В. Товстых – стоит у мачты.

Е.В. ТОВСТЫХ – ПЕРВЫЙ РЕКТОР ЛКИ

шуму полтора года в Войске Польском?..

Постепенно стали развиваться научные и педагогические контакты... Поехали профессора и доценты читать лекции, делать доклады на Международных научно-технических конференциях. Поехали студенты – на заводские практики, польские студенты – на некоторые судостроительные заводы СССР. Помню, одну из таких групп возил на практику в Херсон. Кто забыл – это Украина.

А в 1972 году по линии ОПСД и при активной поддержке ректора поездом в Польшу отправилась первая группа сотрудников, 20 человек – просто в культурную поездку.

Все, кто приезжал в командировку в Политехнику Гданьску, а поездок тогда было много, шли на второй этаж главного корпуса, где справа от входа в главный зал размещалась бронзовая доска. На 13-й строчке была фамилия нашего ректора! Год присвоения звания Почетного доктора Политехники Гданьской – 1965!

Несколько раз мне везло: Евгений Васильевич, выезжая в Польшу, брал и меня. Для примера – одна из «групп» (слева направо): декан Машфака, профессор П. А. Дорошенко с супругой Еленой Венедиктовной, ректор с супругой, Марией Гавриловной, я между ними, а за Марией Гавриловной просматривается шляпа на голове самого, по-видимому, скромного члена делегации, декана Корфака, профессора В. В. Рождественского. Замыкающий – проректор по научной работе, профессор А. А. Моисеев.

Для меня поездка, кроме всего прочего, запомнилась таким эпизодом. Утром, когда надо было собирать вещи и уезжать из шикарного «Гранд-отеля» в Сопоте, меня прихватил радикулит. Пришел Евгений Васильевич, чутьем руководителя почувствовавший «сбой в системе», и не говоря ни слова, взял мой чемодан и потащил его к машине. Видели вы когда-нибудь ректора знаменитого института, тащившего чемодан своего старшего преподавателя?

ПРИКАЗАНО ПОЕХАТЬ В ДАГЕСТАН

Весной 1968 г. вызывает меня Евгений Васильевич и говорит, внимательно глядя в глаза: Алексей (он всегда меня так звал, потечески, а я страшно этим гордился), хочу дать тебе трудное задание. – Готов служить! – Ты, конечно, знаешь, что в городе Каспийске, в Дагестане, есть филиал нашего института, куда мы ежегодно принимаем 100 человек... Так вот, мне надоело уже каждый год разбираться с десятками жалоб на работу приемной комиссии: несправедливость, взяточничество... Обстановка сложная.

И прямо в упор: – Тебя знаю, не пьешь, начальников не боишься. Поедешь председателем приемной комиссии? Думаю секунд тридцать: Дагестан – Кавказ – горы – Расул Гамзатов – аул Гуниб и Шамиль – экзотика; ответственное поручение и доверие – интересно и гордиться надо... Четко отвечаю:

– Согласен, Евгений Васильевич, поеду. Но условие – весь состав экзаменационной комиссии беру из Ленинграда.

На том и порешили. Работа, действительно, оказалась трудной и обстановка – сложной. На 1,3 миллиона жителей приходилось 30

народностей: аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы, табасараны, чеченцы, агулы, таты и др., говорящих более чем на 80 языках. Площадь Дагестанской АССР на 20% больше Швейцарии, на 40% больше Бельгии... Половина площади – горы.

В приемную комиссию вошли деканы двух факультетов (приборфак и машфак), директора двух заводов (торпеды и судовые двигатели), второй секретарь горкома КПСС, секретарь горкома ВЛКСМ и др. В общем – солидно.

С абитуриентами – хуже. В заявлениях о приеме можно было увидеть орфографические ошибки. В аттестатах – встречается по-черк: «иностранный язык» или «физкультура» не проходили. Или – один и тот же учитель (учительница) преподает историю, русский язык и ту же физкультуру...

Первый секретарь горкома КПСС (в Каспийске тогда было около 80 тыс. жителей), вскоре пригласил меня побеседовать и, по-видимому, для профилактики, в разговоре обронил: «в городе ходят слухи, что вы взятки берете...». Я оторопел, пожевал губами и ответил: «Знаете, я и про вас что-то в этом духе слышал...» Впоследствии я даже заходил к нему домой и угощался каким-то необыкновенным вином, которого «в магазине не бывает».

В первый же день работы экзаменационной комиссии мне пришлось отстранить одного из ее членов за передачу готового решения сдающему экзамен, потребовать объяснительную записку на имя ректора и отослать привезенного с собой члена комиссии обратно в Ленинград. Возникло жесткое сопротивление. Один из директоров заявил: «Звоните сначала Товстыху. Он это решение не одобрит!» Пришлось объяснять, что «в пределах своих полномочий решения принимаю я!». Меня тут же выселили, под предлогом санобработки, из отдельной комнаты в заводском общежитии... Написал жесткую докладную первому секретарю горкома: «Провокация... Угроза срыва приема...». Вселили обратно. Доброжелатели посоветовали взять охрану. Резко отказался.

В единственном ресторане-столовой, куда вся экзаменационная комиссия ходит обедать, обсчитывают на 20-30%: «Мы иначе не умеем... Давайте, считайте сами...» Поручил считать математикам.

ТАК И РАБОТАЛИ

В конце августа выясняется, что объединенные войска стран Варшавского договора вошли в Чехословакию, и что надо принимать еще 100 человек на вечерний факультет. А «моя» экзаменационная комиссия (из ЛКИ) уже уезжает...

Когда я вернулся в Ленинград и пришел с докладом к Евгению Васильевичу, он только рукой махнул, мол «все знаю», и на мой вопрос «Есть жалобы-то?» усмехнулся, ответил «А как-же!» и протянул два письма.

– Это всего-то?

– Читай, читай.

Читаю первое: «Я, Магомет Мурзабеков³... Бедный... Не мог дать взятку... А вот Наби Магометов богатый. Его сына Ильяса приняли...»

Читаю второе: «Я, Наби Магометов, жалуясь на вашу комиссию... Мой сын Ильяс хорошо учился в школе... А комиссия (указан предмет)... поставила два... Моего сына Ильяса не приняли...»

Я ничего не понял и воскликнул: «Так эти жалобы нейтрализуют друг друга!». Оказалось, это был хороший воспитательный акт. Ректор рассмеялся, сказал, что в этом году хорошо сработали, и он подумает о премии для всей команды. Была ли премия – сейчас уже не вспоминается.

МАЛЕНЬКИЙ ШТРИШОК

Кафедра конструкции судов, на которой я работал, отвечала за проведение заводской практики по конструкции корпуса и за плавательную практику. Однажды так случилось (судьба!), что в группе практикантов на одном из судостроительных заводов Украины (Херсон или Николаев, уже не помню. Все-таки, Херсон) – словом, на юге, в учебной группе оказался один из сыновей Евгения Васильевича. Практика по конструкции корпуса довольно трудоемкая: надо с натуры сделать эскизы всех конструкций – от киля до... нет, не до клотика, но до надстроек включительно. Требовалось вкалывать весь рабочий день. Набирается толстая тетрадь плюс вопросы вездливого преподавателя на зачете. А тут, сами понимаете, юг и залив рядом с заводом. Четыре человека зачета за практику не получили... Я уезжал в Ленинград, а у них была впереди еще первая технологическая практика. Посоветовал уплотнить время и совместить работу.

В институте специально заглянул в приемную, спросил секретаршу: «Один?», услышал, что ректор один в кабинете, и сунул голову в дверь. Такой способ практиковался всеми.

– Заходи, заходи. Ну, как там мой?

– А он вам письма-то пишет?
– Пишет – из трех слов, разве что-нибудь поймешь?

Рассказываю о незачете. Евгений Васильевич выходит из-за письменного стола, подходит, пожимает мне руку: «Спасибо. Правильно поступил!».

Такой штришок вам ничего не говорит о человеке?

ЧЕЛОВЕК С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

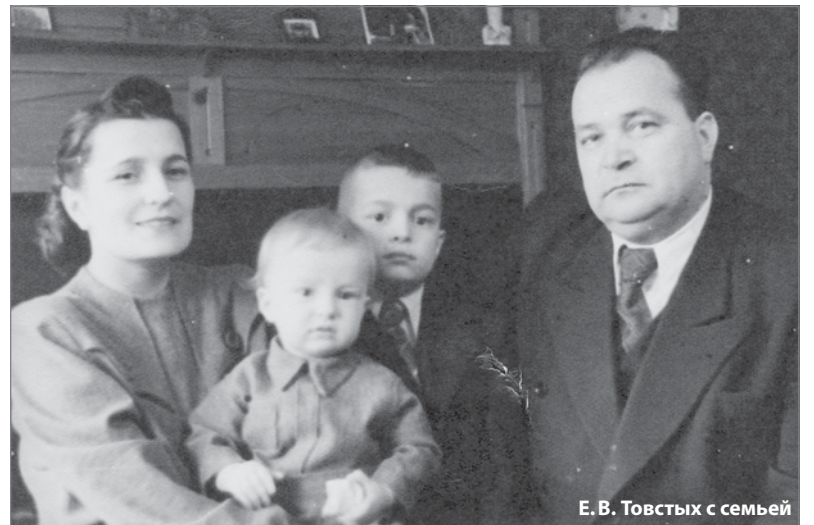
Одна из характерных особенностей современных руководителей – неуважение к народу, к людям, простым, рядовым людям. Впрочем, у нас это – черта почти любого самого маленького чиновника, от которого тебе требуется самое малюсенькое решение.

У Евгения Васильевича было правило – еще с заводов, на которых он работал. Он приходил в свой кабинет за час до официального начала работы института, и любой (любой!) сотрудник института – мог прийти с предложением или за советом мудрого Человека. И никто никогда не пробивался через стоящую насмерть секретаршу.

Я почему-то убежден, что и сегодня, в доведенной до абсурда, лишенной системного управления, без национальной идеи стране, Евгений Васильевич оставался бы самим собой и работал бы для людей.

ЛЮБИЛИ МЫ ВАС, ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ!..

Все, кто еще живы, и сейчас с уважением и теплотой вспоминают радость совместной работы и общения. И пытаются передать эти чувства пришедшим на смену сотрудникам, студентам и преподавателям как образец, которому неплохо бы и подражать.

Е. В. Товстых с семьей

Почетный доктор Гданьской Политехники

В. П. Елютин, министр высшего и среднего специального образования СССР (слева) и ректор ЛКИ Е. В. Товстых

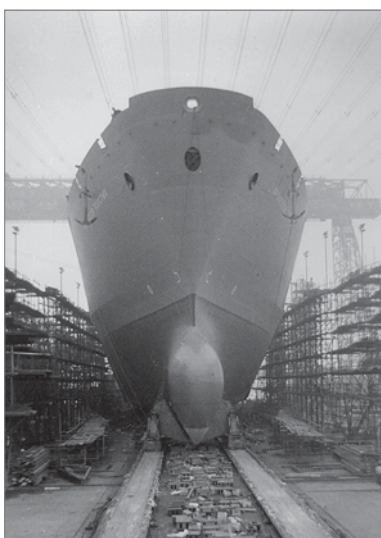

Торжественное собрание в актовом зале на Лоцманской

Е. В. ТОВСТЫХ – ПЕРВЫЙ РЕКТОР ЛКИ

В. А. Чистяков (слева) и Е. В. Товстых

Спуск на воду контейнеровоза «Профессор Товстых»

Уважаемый читатель! Перед вами – только небольшая часть моих воспоминаний из 30 лет совместной работы с Евгением Васильевичем в институте.

К величайшему сожалению, у тысяч людей, с которыми, так или иначе, общался Евгений Васильевич, не обнаружилось тяги к написанию воспоминаний. Не принято это у нас...

Но память этих людей еще хранит много полезного, интересного, поучительного... Поговорите с ними!

Совсем недавно я узнал, что у моего сокурсника, Володи Макарикова написано свыше 2000 страниц, описывающих жизнь пяти поколений Павловых (материнская линия) – Макариковых (отцовская линия). Забрал эту сагу. Зачитался, увлекся яркими описаниями многих событий и «деталей» нашей общей студенческой жизни 1946-1952 гг. Многократно зафиксировано, что, оказавшись, мы не только неистово учились. Во все времена студент был одинаков. Помните: «Он и горькую пьет, он и песни поет, и еще кое-чем занимается...». Вот Владимир Иванович и вспоминает (чувствует назидательный тон 75-летнего ветерана?): «Не всегда праздничные гулянки заканчивались благополучно. Неумеренные возлияния приводили к конфликтам, а они (конфликты), в свою очередь, вели к материальным и моральным потерям.

Как-то, в один из больших праздников, несколько студентов ЛКИ отправились в гости к другу, который учился в Инженерно-экономическом институте и жил недалеко тоже в общежитии. После застолья друг повел «наших героев» знакомить со своими соседями по коридору. Все шло нормально, пока «герои» не наткнулись на паренюка в тельняшке.

«Как же, какой-то экономист, без всякого на то права, носит флотскую форму. Мы потребовали

немедленно снять тельняшку, а получив решительный отказ, сами стали стягивать ее с хозяина. Парень попался не из робких и не из слабеньких, завязалась не то драка, не то борьба.

<...>

Событие это нельзя было отнести ни к характерным, ни к чрезвычайным. Ребята мы были мирные, но не всегда смирные. Ну, подрались и подрались, подумаешь, делов-то. Однако, официальная оценка происшедшего получилась неожиданно громкой и принципиальной.

<...>

Их партком отписал нашему парткому. Наш партком поручил разобраться с «делом» комсомольской организации института, та перевела на факультет. Я уже стал забывать об угрозе наказания, как вдруг... На очередном комсомольском собрании (несколько сотен человек) зачитывают письмо из ЛИЭИ. Я, конечно, не отпираюсь, думаю, что свои ребята не будут особо зверствовать. Но итоговое решение для меня как гром среди ясного неба: «Обратиться в дирекцию с предложением отчислить из института». Наверняка, наш курс голосовал против отчисления, но большинством голосов предложение прошло.

Вот тут-то я заскучал. До сих пор я выручал товарищей, принимал огонь на себя. Позиция почти героическая. А что делать теперь? Вернул меня в нормальное состояние, а заодно приобрел себе верного соратника наш директор – Евгений Васильевич Товстых. Он вызвал меня к себе в кабинет, не торопясь, расспросил о «событии», и я ему, как на духу, выложил все без утайки. Нормальный человек, а именно таким был Е. В. Товстых, понял, что я никак не тяну на «ниспровергателя основ» и отпустил с миром: «Иди, занимайся».

В дальнейшем, до окончания института, мы виделись с Евгением Васильевичем только на собра-

ниях, демонстрациях и на защите дипломных проектов.

С 1952 года наши встречи происходили на Балтийском заводе, куда он ежегодно приводил студентов на практику. Он не менялся, его внешний вид полностью соответствовал характеру. Невысокий, полный, с круглым добрым лицом, он напоминал мне мистера Пиквика. Когда он вел студентов по заводу, к нему спешили с разных сторон бывшие его питомцы, чтобы поприветствовать своего любимого директора.

Евгений Васильевич постоянно приводил студентов в одно и то же место – сталельный цех. И попадал ко мне. Я с удовольствием принимал от него практикантов и от души старался поделиться с ними тем, чего сам набрался на заводе.

Е. В. никогда не напоминал о нашем «собеседовании», но мне казалось, что он прекрасно помнит, с какого разговора началось наше знакомство.

А вот что продиктовала мне студентка приема 1941 года Муся (Мария Ефимовна) Черномордик: «Весна 1945 г. Я – студентка 3-го курса Корфака. 28 апреля пришлось пропустить занятия. Причина уважительная: на следующий день у меня родился сын.

Весеннюю сессию сдала в срок. Конечно, помогли соученики: давали конспекты, готовились вместе со мной, особенно помогала наша отличница Вера Мореншильдт (в будущем – доктор технических наук). Не удалось лишь сдать зачет по английскому языку... И меня сняли со стипендии.

Это было очень сурово! Что делать? Кафедра неумолима... Что же делать? Друзья настаивают: «Иди к ректору, он только что с завода – поймет!».

Пришла, рассказала. После пары вопросов сказал почти ласково:

– Рано вышла замуж. Ну и дура! ⁴ И помог.

В дальнейшем, когда я преподавала в ЛКИ, уже сама советовала:

«Идите к Евгению Васильевичу, он удивительный, отзывчивый человек, он поймет, если только можно – поможет».

Посоветовал бы прочесть отлично написанные воспоминания студента-машфаковца приема 1953 года Н. П. Свердлова⁵ «Человек с большой буквы Е. В. Товстых. 1905-1981».

Заканчивает он так: «Когда мы получили дипломы, кто-то из нас сказал: «Если бы мы знали, как трудно учиться в Корабелке, мы бы никогда в нее не поступили». Спасибо нашим старшекурсникам: они всегда нам говорили, что трудно только на первых двух курсах... И мы терпеливо ползли вверх и ждали, когда гора кончится... И только нам выдали дипломы, как на работе в КБ нам подсунили новые «горы!» И так длилось до самой пенсии.

Много же нам дала в жизни, родная Корабелка. Отправляя Д'Артаньяна в Париж его отец подарил ему шпагу, а Евгений Васильевич Товстых со своими «мушкетерами» научил нас не бояться никаких инженерных задач, трудолюбию, гражданскому мужеству и умению решать самые сложные инженерные задачи.

<...>

Спасибо тебе, моя родная Корабелка, что ты научила нас смело смотреть в будущее!»

Наступил сентябрь 1976 года. На дверях ректорского кабинета появилась табличка с новой фамилией. И когда наш курс в марте 1977 г., свято соблюдая древнюю, не им придуманную традицию, собрался отмечать XXV-летие окончания института, приветствовал нас новый ректор (студент, поступивший в ЛКИ на год после нас).

Не хочется писать «бывший ректор» – в такие минуты начинаешь понимать традицию «цивилизованных стран», где никогда не

услышите «бывший президент», «бывший председатель», «бывший ректор»... Хочется думать – сидит в кабинете наш родной Евгений Васильевич, вспоминает прошлое, тысячи студентов, выпущенных руководимым им Ленинградским ордена Ленина кораблестроительным институтом, – теперь руководителей судостроительной промышленности, крупных ученых, известных строителей кораблей – Большого флота СССР... Или обдумывает, что сказать сидящим перед ним в зале?

Это была последняя встреча Евгения Васильевича с нашим курсом. Через четыре года он умер...

В 1985 году на Варновской верфи ГДР был спущен на воду контейнеровоз, на борту которого было написано «Профессор Товстых», и понес он это славное имя по морям и океанам⁶...

А. Л. ВАСИЛЬЕВ,
студент ЛКИ приема 1941 г.
выпускник ЛКИ 1952 года

¹ – Из армии мы принесли старую строевую песню: «Наш командир рожден был хватом / Слуга царю – отец солдатам.

² – Должность «ректор института» утверждена в 1958 году.

³ – все имена и фамилии условны.

⁴ – Мария Ефимовна клянется, что все было именно так.

⁵ – Человек с большой буквы Е. В. Товстых. 1905-1981. – Серия. От имени города: Дела и люди XX века. Генералы духа. Книга 2. – Санкт-Петербург, ООО «Издательство «Петрополис». 2001. с. 397-420.

⁶ – ... Увы. Начались новые времена. После перестроек, развала СССР, разворовывания России и фактического уничтожения Флота, контейнеровоз ходит под другим флагом и под другим названием.

Ученый совет в актовом зале на Лощманской, 3

ВОСПОМИНАНИЯ О Е. В. ТОВСТЫХ

ИДИ – РАБОТАЙ!

Активно сотрудничать с газетой «За кадры верфям» в качестве студкора я начал, еще будучи первокурсником. Но, начав учебу в Корабелке на дневном, заканчивать вынужден был, по семейным обстоятельствам, на заочном. Работать пришлось и учебным мастером на кафедре Сварки судовых конструкций, и экспедитором в Отделе снабжения...

Тогдашний редактор газеты Юрий Иванов хотел взять меня в штат редакции, где был всего один штатный корреспондент. Говорил то с одним проректором, то с другим, но ни одной свободной ставки, чтобы можно было взять меня в качестве «подснежника», не было. То есть, чтобы числился где-нибудь механиком или лаборантом с окладом рублей 80-90, а фактически работал бы корреспондентом газеты.

Когда все инстанции были пройдены, Юрий Вячеславович, наконец, решил идти на разговор с самим ректором. Евгений Васильевич выслушал его, потом задумчиво погрыз дужку очков и сказал:

– Статьи и заметки этого паренька я в газете читал. Полагаю, что не нужно нам ничего мудрить со всякими иеродными ставками. Он должен у тебя в редакции работать просто корреспондентом. Я погово-

рю с начальником планового отдела, с главным, юрисконсультым и мы, может быть, что-нибудь придумаем.

– Но ведь штатное расписание вузовских многотиражек утверждено высшими партийными органами. За внесение изменений могут быть сделаны «оргвыводы!» Может быть, проще решить вопрос с «подснежником»?

– Ничего. Мне не такие проблемы пришлось решать. Иди – работай!

После этого разговора прошло почти две недели. Мы были уверены, что ректору его замысел не удался, а может быть, за текущей более важных дел – забыл. И вдруг... На стенде около канцелярии появляется копия приказа ректора о назначении в редакции газеты «За кадры верфям» второй должности корреспондента с окладом аж 115 рублей, что по тем временам было очень неплохой зарплатой для молодого сотрудника.

И руководящие партийные органы вежливо промолчали.

С тех пор, с легкой руки нашего решительного ректора – Евгения Васильевича Товстых – началась моя журналистская карьера.

Борис САЛОВ,

член Международного союза журналистов, штатный корреспондент «ЗКВ» с 1973 г., редактор с 1979 по 1991 и с 2005 по 2007 годы

ВОСПОМИНАНИЯ О Е. В. ТОВСТЫХ

ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ И СТУДЕНТЫ

В воспоминаниях о Евгении Васильевиче Товстыхе обычно рассказывается, как он был руководителем, как это отразилось на развитии ЛКИ. Я хочу поговорить о нашем ректоре «с другой стороны», со стороны студентов.

Что бы ни вспоминалось, но институт в прежние времена, да и теперь – это несколько тысяч студентов. Их мотивация, желание учиться, поведение во внеучебное время, во многом определяют стиль любого учебного заведения.

Я была студенткой ЛКИ с 1968 по 1973 годы. Это были годы, как тогда говорили, «развитого социализма». В институте были две мощные студенческие организации: комсомол и профсоюз студентов. Именно в таком порядке: комсомол был более «зубастым» и инициативным, зато у профкома всегда были хорошие финансовые средства. Заседания институтских организаций «большого комитета ВЛКСМ» и «большого профкома» проходили долго, шумно и, как ни странно, очень жестко и продуктивно. На каждом присутствовало от 20 до 40 человек. В бюро этих организаций входило меньше студенческого народа. Аспиранты, как правило, уже не избирались в эти органы управления.

Так вот, все, без исключения, члены бюро ВЛКСМ и профбюро, так или иначе, имели дело с Евгением Васильевичем Товстыхом. Им приходилось обращаться к нему по самым разным вопросам, связанным с реализацией студенческих инициатив. Утверждались и подписывались графики общественных мероприятий, бесконечные заявления, просьбы о материальной помощи, о снабжении из запасов института и прочее.

Доступ к ректору был простым: студент садился ждать в общую очередь в приемной ректората. Справа и слева от него мог оказаться заведующий кафедрой и простой преподаватель: демократия в этой

приемной была полная. Евгений Васильевич всегда с интересом и подолгу вникал в дела любого работника и студента института, пришедшего к нему на прием.

Через час-полтора ожидания вы попадали в кабинет ректора. Удивительнее всего было то, что Евгений Васильевич помнил множество людей, обращавшихся к нему ежедневно. Поэтому при каждом очередном посещении создавалось такое впечатление, что происходит дружеский диалог, просто несколько растянутый во времени.

При разговорах ректора со студентами выражение суровой озабоченности делами огромного института на время отступало. Лицо приобретало довольное выражение: вот он, конечный продукт наших институтских усилий, здоровый, активный и инициативный. Решал просьбы студентов Евгений Васильевич быстро, всегда в позитивном ключе. Даже если к нему обращались по поводу грядущего отчисления из-за «хвостов» в сессию, предпочитал разрешить еще одну, последнюю передачу. А с передачами экзаменов тогда было жестко: ограниченное количество попыток в строго ограниченные сроки.

Вот таким, очень человеческим, и запомнили студенты института нашего ректора – Евгения Васильевича Товстыха.

А. Я. ВОЙТКУНСКАЯ,
зам. декана по ВР ФКО

ВОСПОМИНАНИЯ О Е. В. ТОВСТЫХ

Я помню, как на втором курсе собирались отчислить одного студента из нашей группы. Однако он был хорошим товарищем и спортсменом. И до этой сессии у него со сдачей экзаменов все всегда было в порядке. Поэтому мы начали искать пути защиты друга. Нам посоветовали обратиться прямо к ректору Евгению Васильевичу, и мы группой (человек десять) попросили, чтобы он нас принял. В кабинете выстроились шеренгой. Он подошел и спросил: «В чем дело?». Мы говорим: «Вот хороший парень, спортсмен, не сдал сессию, и его от-

числяют». Евгений Васильевич спрашивает: «Хороший спортсмен?» «Да. Фехтовальщик». (Одно время в ЛКИ были сильные фехтовальщики). «Ну ладно, тогда помогу. Мы его переведем в институт Лесгафта». И усмехнулся. Мы почти хором: «Нет, зачем, надо чтобы он с нами остался». Так он пошутил. А в результате нашему другу продлили срок передачи экзаменов. И в итоге парень окончил институт и стал хорошим специалистом.

Тариэль Григорьевич СИХАРУЛИДЗЕ

ВОСПОМИНАНИЯ О Е. В. ТОВСТЫХ

ЗОЛОТЦЕ МОЕ

Он поразил меня в те, теперь уже далекие, мои студенческие годы. Евгений Васильевич Товстых, наш ректор, ученый с мировым именем пытался повлиять на мою судьбу, вразумить «дитя неразумное». А произошла, в общем-то, простая история: к третьему курсу окончательно взбунтовалась моя гуманитарная составляющая. Я поняла: ну не мое это, не мое. Однако, хотя учеба уже шла побоку, самой сделать последний и решительный шаг – бросить институт, мужества не хватало. Это и понятно – что скажут родители, как отнесутся друзья... Словом, я просто ждала приказа об отчислении.

Не знаю, как сейчас ведется работа с теми, кто по каким-то причинам обрастает «хвостами», перестает посещать лекции, но тогда, в моей непростой жизненной ситуации, меня, буквально привела за руку к Евгению Васильевичу Товстыху наша зам. декана Нина Арсентьевна Киселева (мама Нина – многие, наверное, еще помнят это ласковое ее «звание», которым она очень гордилась). С трепетом я входила в «святую святых» – кабинет ректора ЛКИ, живо представляя, что меня здесь ждет и какие «громы и молнии» обрушатся сейчас на мою голову.

Но Евгений Васильевич встретил меня улыбкой и участливым вопросом: «Ну что, золотце мое, рассказывай, что у тебя там

случилось?» Сказать, что я изумилась, значит, не сказать ничего. Растерялась, залепетала что-то вроде: «Нет, ничего, все в порядке...». Стала объяснять: поняла, мол, что ошиблась с выбором профессии.

Объяснения мои ректор выслушал с вниманием и участием, только вывод из сказанного Евгений Васильевич сделал для меня неожиданный. «Неправильно понимаешь ситуацию и расставляешь ориентиры. Если сможешь получить специальность здесь, гораздо легче будет достичь того, о чем ты мечтаешь. Иди, золотце мое, и подумай об этом серьезно».

Тогда я все-таки поступила по-своему. До сих пор не могу сказать однозначно, что это был правильный шаг. Может быть, все-таки надо было послушаться его совета, может быть... Точно знаю только, что случай со мной не был чем-то особенным. Знаю многих, с кем Евгений Васильевич Товстых проводил аналогичные беседы. Навсегда осталось в памяти его обращение – «золотце мое».

И еще: потом, в жизни, журналистская карьера не раз сводила меня с руководителями очень высокого ранга. И всегда я невольно сравнивала их со своим первым ректором. Ум, интеллигентность, простота, человечность – эти качества в одном сплаве, увы, встречаются далеко не у каждого. Но ими в полной мере обладал Евгений Васильевич Товстых.

Елена АЛЕКСАНДРОВА,
член Союза журналистов СПб

ВОСПОМИНАНИЯ О Е. В. ТОВСТЫХ

ЧЕЛОВЕК-ЛЕГЕНДА

Мудрый руководитель, тонкий политик, постоянно положительно заряженный, он создавал вокруг такую добрую, оптимистическую атмосферу, турбулентность которой ощущается до сих пор. Прошло более двадцати лет, как Евгения Васильевича не стало, но перед этим более 30 лет была эпоха ренессанса кораблестроительного образования в СССР.

Приняв потрепанное войной хозяйство ЛКИ, Евгений Васильевич много и последовательно занимался сохранением прежних политехнических и созданием новых школ, традиций и структур института.

Особое внимание он уделял кадровому составу кафедр, поддерживая, воспитывая своих и пригласывая наиболее маститых ученых со стороны с последующей моральной, бытовой и материальной поддержкой.

Некоторое время мне довелось тесно работать с этой «административной глыбой», и те ежедневные часы общения с ним вызывают чувства восхищения его активностью, целеустремленностью в достижении конкретных результатов и, конечно, безграничное человеколюбие.

Я бесконечно благодарен Евгению Васильевичу за памятные уроки тактичности, работы с людьми.

В начале 1970-х годов средний возраст заведующих кафедр ЛКИ перевалил за 60 лет, и был мощным партийный посыл на омоложение. В течение 1-1,5 лет требовалось заменить таких маститых профессоров, как Н. Е. Путов, В. В. Семенов-Тянь-Шанский, А. К. Колосов, В. А. Быков, В. А. Вайншейдт, П. И. Титов, А. К. Шевело, Д. А. Скобов и других. Да и сам Евгений Васильевич к той поре пребывал в опасном возрастном поясе и ощущал партийный прессинг.

В таких экстремальных условиях Евгений Васильевич практически для каждого из 13 замененных заведующих кафедрами сумел найти кадровые решения, которые ни в какой мере не понижали авторитет педагога и ученого, показывая его востребованность в отрасли, в коллективе сотрудников и особенно студентами. К последним Евгений Васильевич питал особую любовь, заботу и внимание.

Здесь особенно хочется отметить замечательные качества Евгения Васильевича – забота о студентах, желание и умение работать с молодежью. Он был инициатором и непременным участником многих событий тех лет, которые до сих пор впечатляют:

организация льготного питания студентов в столовых всех корпусов, первый и лучший в стране студенческий профилакторий, дальние шлюпочные и яхтенные походы, целина и студенческие стройотряды, работа студсоветов, строительство нового комплекса в Ульяновке, гребной базы, успехи баскетбольного «Спартака», почти полностью укомплектованного студентами ЛКИ – вот неполный перечень «увлечений» любимого, в свою очередь, студентами ректора.

Многие сотрудники института, прямо или косвенно, не были обойдены вниманием и заботой своего ректора, который всегда (!) был доступен и прост в общении. Его доброжелательность к каждому сотруднику была обратно пропорциональна возрасту последнего. Кто не совершал ошибок по молодости, или по неопытности? Евгений Васильевич в каждом случае искал и находил приемлемый для всех выход, особенно если соискателем обращения к нему был студент.

Безусловной заслугой Евгения Васильевича в истории ЛКИ явилось получение участков под общежития и новые лабораторные комплексы на Лоцманской, 10 и на Ленинском проспекте. Дальновидность этого человека дает плоды и в сегодняшнее время.

Планы и возможности Евгения Васильевича со временем кажутся фантастическими, и география их обширна. Здесь уместно вспомнить о создании филиалов института в Северодвинске и Каспийске, насыщение инженерными кадрами самых экзотичных уголков страны от Камчатки до Калининграда, и от Мурманска до Иссук-Куля. Авторитет Е. В. Товстых был в СССР и за рубежом огромен, его обаяние, тактичность и юмор стали для многих из нас классикой.

В. А. ЧИСТЯКОВ

КАК РОЖДАЛОСЬ СТУДЕНЧЕСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

В 1955 году я окончил среднюю школу №1 г. Алма-Аты, столицы Казахской ССР, затем Алма-Аты («Отец яблок» с казахского). Сдал документы для поступления в алма-атинский геолого-разведочный институт. Кстати, аттестат и все другие документы у выпускников были на двух языках – казахском и русском, и никто не испытывал никаких неудобств. Воспринималось как должное, никаких национальных претензий. Все были заняты делом – делом строительства социализма. К примеру, я сидел за одной партией с девочкой по фамилии Уппер, и только в ЛКИ, где-то на 4 курсе меня осенило, что она была немкой. Ну и что, зато круглая отличница по русскому языку. Я и некоторые другие с успехом, благодаря ей, повышали оценки по русскому языку.

Набрал 24 балла из 25 возможных (пять вступительных экзаменов), я не прошел по конкурсу, так как «требовалось открыть дорогу национальным кадрам».

1955-1957 годы я токарь на Алма-атинском заводе имени С. М. Кирова. Мой станок стоял таким образом, что был виден и читался стенд победителей соцсоревнования в цехе. По результатам I квартала 1957 г. моя фамилия стояла третьей, а хотелось чтобы второй, а лучше – первой...

В феврале 1957 г. я как рабочий, поступил на вечерние подготовительные курсы геолого-разведочного института и в июне, по результатам экзаменов на курсах, был зачислен кандидатом на I курс геологического факультета. Предполагался автоматический перевод из кандидатов в студенты по завершению приемных экзаменов в августе.

В это же время появляется внутри алма-атинского кировского завода щит с объявлением о вступительных экзаменах в ЛКИ, на льготных условиях для рабочих со стажем не менее двух лет. Суть льготы – зачисление при любых положительных оценках на экзаменах, хоть все тройки, т. е. такая же льгота, как для национальных кадров. Завод направил в ЛКИ ходатайство на 10 человек.

Мне с огромным трудом удалось забрать документы из геолого-разведочного института и вручить их лично в приемную комиссию ЛКИ за три дня до окончания приема документов. Поселение в общежитие в десятиместку, вначале как абитуриента, затем уже как студента-первокурсника. С 01.09.1957 года, после вступительных экзаменов, стал студентом приборостроительного факультета.

В 1960/61 учебный год я перевелся на кораблестроительный факультет, на второй курс, переселился в шестиместку и тогда уже познакомился с Павлом Ивановичем Плесевичусом.

Позже, при замене паспорта, паспортистка букву «Я» случайно заменила на «Е» и получилось «Плесевичус». Мне больше нравится «Плесевичус». Затем Павел стал Паулюсом. Я привык к имени Павел, очень редко употреблял Паулюс, отчество Ионо в принципе нейтрально.

В те времена общага кипела страстями. Тут было все и ежедневно, точнее ежевечерне и еженощно: драки, шум, гитарный перезвон с песнями до утра, карты (в основном преферанс до утра), иногда – воровство, бросание с этажей бутылок по металлическим гаражам, приходы и приводы не проживающих в общаге посторонних любителей приключений мужского и женского пола, которые добавляли остроты для и без того оголенных нервных окончаний... В вечерние и ночные часы к двум тысячам студентов добавлялось не менее пятисот пришлых. Вахта была, старухи сидели, требовали показать пропуск, но 500 пришлых гарантировано проникали. Кто же противостоял этому бедламу? Противостоял один комендант общежития мужчина, фронтовик, смелый человек М. Г. Меренский, пять комендантов этажей – немолодых женщин, боявшихся только одного – потерять служебное жилье в этой же общаге и потому скрывавшие многие из безобразий общежитской жизни, так как об их работе судили по количеству происшествий на этаже. Уменьшить количество

происшествий они не могли еще и потому, что 90% пришлых воспринимали общагу как своего рода «блатную малину» и могли отомстить и порой – мстили.

Все эти безобразия сопровождалась периодическим прибытием милиции, составлением протоколов, возбуждением административных, а иногда и уголовных дел, осуждением за мелкое хулиганство на 15 суток, помещением в вытрезвитель и направлением по месту учебы, т. е. ректору Е. В. Товстых, представлений по принятию мер. Иногда прибывала «скорая», которая оказывала первую помощь или госпитализировала пострадавших, и естественно, направляла по месту учебы потерпевшего, т. е. ректору, информацию для принятия мер.

Все это сопровождалось жалобами населения из окружающих домов в различные инстанции, которые, в свою очередь, направляли ректору Е. В. Товстых информацию для принятия мер...

Общежитие Стачек, 88. 1960-е

Для более полной картины следует добавить мусор и грязь. Полы в коридорах и в комнатах были паркетные, их следовало натирать мастикой не реже одного раза в месяц, тогда они украшали бы вид коридоров и комнат. Мысль же и натерлись они раз в год. От этого вид был удручающе темно-грязным. Мусор накапливался в больших баках на лестничных площадках черных ходов (по два на каждом этаже). Мусорные баки вручную два человека должны были спустить на улицу, затем метров 80 протащить по улице на контейнерную площадку, там высыпать в баки мусоровозов, и вернуть бак на место.

Комендант общежития назначал ту или иную комнату ответственными за мусор, но студенты не торопились исполнять, в результате лестничные площадки утопали в мусоре, а санэпидстанция составляла соответствующие акты о санитарном состоянии общежития, которые тоже направлялись ректору для принятия мер.

Еженедельно на своих планерках, а по особым случаям – ежедневно в момент происшествия, Евгений Васильевич, пролиставая и прочитывая поступающую негативную информацию, заранее знал, чем она заканчивается. Заканчивалась она фразой «для принятия мер и недопущения впредь». В голове все время стучало: «для принятия мер, для принятия мер... недопущения впредь!»

Принимаемые меры должного эффекта не давали. Почему? Анализ указывал на то, что студенчество состоит из двух принципиально непохожих составляющих. Одна из составляющих это студенты-ленинградцы, живущие с родителями и, по существу, остающиеся еще детьми. Другая составляющая – иногородние студенты, оторванные от родителей и вброшенные в неизведанную самостоятельную жизнь. Стоп! Вот оно волшебное слово – «Само».

Весь учебно-воспитательный процесс в

институте был построен исходя из интересов студентов-ленинградцев, и уровень самостоятельности продолжали определять родители и родственники. Стоп! Вот и второе волшебное слово – «уровень Самостоятельности».

Кто этот уровень задаст, установит, разрешит, и т. п. иногородним студентам?

Кто этот уровень даст, а другая сторона иногородние студенты его примут, тот и будет управлять процессом.

Кто должен управлять – профессорско-преподавательский состав института? Едва-ли.

Управлять через что? Через студенческое «Самоуправление»? Это третье волшебное слово – «Самоуправление».

Так, или почти так рассуждал ректор Корабелки, прочитывая негативную информацию об общаге по Стачек, 88, корпус 2 и делаясь задуманным с Павлом Плесевичусом. И не просто делаясь, а ставя задачу перехода общежития на самоуправление.

По-моему, это был 1961-й или 1962-й год. Год знакомства с Павлом, я его всегда так звал – Павлом, а он меня чаще, как все студенты, Карасем.

Как Павел попал в поле зрения Евгения Васильевича, я не знаю. Но с начала 1960-1961 учебного года Павел приступил к исполнению поставленной ректором задачи наведения порядка в общежитии через самоуправление или каким-то другим способом. В то время ректор, Павел, а позже и я могли только произносить слова «само», «уровень самостоятельности», «самоуправление».

Предстояло наполнить эти слова содержанием, ведущим к порядку, к дисциплине, лучше – к самодисциплине, к бытовым отношениям, похожим на семейные и т. п.

Евгений Васильевич говорил нам: «Вы должны знать и уметь в области «САМО» больше всех, в том числе и меня, и я от вас должен получать ответы, а не вы ждать их от меня. Сейчас мы все трое в этом вопросе на одинаковом уровне. Подведем итоги через полгода. Вы должны уйти от меня вперед. Показателем продвижения будет уменьшение негативных бумаг в неделю в адрес общежития у меня на столе. Самообозвучивайтесь, творите, ошибайтесь, анализируйте, исправляйтесь и действуйте. Я поддержку».

Вышли мы, и я вопросительно смотрю на Павла, мол куда ты меня втянул, а он приобнял меня за плечи и своим громким хитрющим, обезоруживающим смехом и взглядом, говорит: «Ничего-ничего, справимся – глаза боятся, а руки делают. Главное действуй, действуй... и еще раз – действуй!»

Ах, да! Я же еще не рассказал, как познакомился с Павлом...

Иду быстрым шагом по коридору, скоро закроется буфет, вижу – стоят двое. Один, похожий на преподавателя, ругает председателя студсовета машфака за мусор и срыв дежурства.

Они возбуждены, мешают проходу, противостоят неудобно. Но я все-же протискаюсь.

Слышу от преподавателя – «Кто такой?».

– Студент, – отвечает председатель студсовета.

– Не тебя спрашиваю!

– Корфак, второй курс, – отвечаю я.

– Комната? Называю номер.

– Куда рвешься сквозь нас?

– В буфет, скоро закроется – отвечаю я.

– Иди. В следующий раз повежливей.

Это уже потом председатель студсовета машфака рассказал мне, что это был не преподаватель, а Павел – студент корфака, представитель ректора.

Вторая встреча состоялась через неделю. Я уже жил в шестиместке, кровати сделали в два яруса, свободного места стало много, посередине поставили большой круглый стол. Четыре человека одновременно могли чертить, не мешая друг другу. Но мы не чертили, а играли в преферанс на торт. Торт был нарисован на пульке. Кто через четыре часа проиграет, покупает торт, и его едят все, и проигравшие тоже. Мы уже знали, что ходит какая-то комиссия по общаге и за игру в карты наказывают. Только начали играть, раздался требовательный стук в дверь. Вошла комиссия в составе Павла, секретаря комсомольской организации ЛКИ В. П. Булатова и председателя студсовета общежития Корфака.

Павел сразу взял в оборот меня. Я разъяснил, что мы играем не на деньги, а только на что-то определенное по величине затрат: торт, коробка конфет и т. п., затем все участники игры съедали проигрыш. Показал пульку с рисунком торта. Все члены комиссии рассматривали листок с пулькой. Павел взял его последним и сказал, как будто обращаясь только к Булатову: – вот эту кандидатуру я хотел предложить в качестве председателя. Теперь сомневаюсь. Кто придумал такую игру? Ты? – обращается ко мне.

– Я. Я не придумал, мы в Алма-Ате в дружеских компаниях так всегда играем.

– Дружеских... вражеских... – задумчиво произнес Павел, я подхватил последнее слово «вражеских» и произнес: «совершенно верно, надо уметь владеть оружием врага». Все засмеялись. Уходя, Павел сказал: «все равно мы объявляем вам порицание, карты забираем для уничтожения, еще раз попадетесь, вылетите из общаги».

Через неделю я стал председателем студенческого совета общежития ЛКИ на проспекте Стачек, 88, корпус 2. Это был 1960/1961 учебный год.

С этого момента мы с Павлом контактировали по многу раз в сутки. Сказать в день – будет не правильно, так как подавляющее число негативных событий в общаге происходило ночью, второе место – за вечером и только третье – за днем. Мы с Павлом так плотно работали, что сейчас трудно вспомнить, кто какую идею выдвинул, кто и что предложил. Было предложено проводить заседания студсовета общежития ежедневно, и я как председатель, проводил их ежедневно с 18.00 и зачастую до 24.00. Павел на начальном этапе тоже был ежедневно, затем стало понятно, что ему обязательно следует быть только на вопросах, которые могли выйти на уровень ректора или пришли к нам от него. С внутренними вопросами мы, студсовет общежития, научились справляться быстро и самостоятельно.

Очень кстати пришелся анализ ситуации вокруг и внутри общежития, проведенный мной и Павлом. Мы с одобрения ректора изучили поступившие за год письма по теме общежития и получили перечень отрицательной информации по общежитию. Анализируя его, установили, что в наибольшем количестве нарушений участвуют не проживающие в общаге, а посторонние, о которых кроме имен: Петя, Вася, Миша... никто ничего не знает, и к кому из комнат он пришел, как прошел вахту – тоже не понятно.

Установив это, мы сразу приняли постановление студсовета, в котором ответственность за поведение посетителей, за их

СТУДЕНЧЕСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В 60-е

пребывание до 22 часов, за запись данных о госте в журнале учета посетителей, за предъявление документа удостоверяющего личность, а в случае их отсутствия - предъявление документа сопровождающего, и запись их в журнале учета посетителей на вахте, возложили на студентов комнаты, куда шел посетитель.

Это и все последующие постановления, или выдержки из них, делались в плакатном варианте и размещались перед вахтой. За поведение гостей ответственность возлагалась на студентов, пригласивших гостей. По всем нерешенным вопросам предлагалось обращаться в штаб ДНД общежития в пяти шагах от вахты. (ДНД - «добровольная народная дружина» - форма помощи правоохранительным органам от граждан и организаций во времена СССР. *Прим. ред.*)

Идея создать ДНД общежития лежала на поверхности, так как с момента создания в 1959 году институтской ДНД, я активно участвовал в ее работе в качестве заместителя командира ДНД приборостроительного факультета. Почему сразу заместителем? Потому, что на алма-атинском заводе с 1955 по 1957 годы был в составе бригады помощи милиции командиром пятерки. Нас называли бригадмилловцами. К этому времени в институтской ДНД я уже имел определенный авторитет и мне в Октябрьском РОВД уже давались самостоятельные задания, а в 1959 году в заполненном студентами актовом зале начальник РОВД вручил мне почетную грамоту городского отдела внутренних дел и удостоверение дружинника.

Так бы я и ушел по этой стезе, но ушел я вскоре в академический отпуск. После отпуска перевелся на Корфак и потерялся в общественных кругах. Но Павел, вероятно с подачи коменданта общежития, вычислил меня и мы делаем очередной шаг по «принятию мер и недопущению впредь» - «шерстим» список студентов дружинников ЛКИ, выискиваем проживающих в общежитии. Список этот нам вручил начальник штаба институтской дружины по указанию ректора.

Сразу поняли, что «напали на жилу», стали волноваться, хлопать друг друга по плечам... Засели на сутки, кроили список по разным показателям и получили окончательный список около трехсот студентов-дружинников, разбитых на пятерки (шестой - командир). Еле дождалось утра. Павел утром созвонился с ректором по его домашнему телефону и в 9.30 утра мы уже втроем «рождали» систему наведения порядка в общежитии с опорой на 300 человек у нас за спиной. И никакие «блатные малины» - не страшны. Евгений Васильевич позвонил начальнику РОВД Кировского района и согласовал тему, дату и время нашей, Павла и меня с начальником милиции встречи.

В заключении нашей совместной, более чем двухчасовой, работы ректор определил дату, время и место проведения совещания по вопросу начала внедрения системы самоуправления и самообслуживания студентов, проживающих в общежитии ЛКИ с приглашением студентов-дружинников согласно нашему списку, руководителей партийных, комсомольских и профсоюзных организаций института, проректоров, коменданта общежития. Совещание состоялось. Ректор представил нас (Павла и меня) как ответственных за внедрение студенческого самоуправления и самообслуживания в общежитии ЛКИ. Все присутствующие должны им помогать и выполнять их просьбы, а дружинники должны их обращения воспринимать как приказ, как приказ ректора.

К дружинникам он обратился с просьбой за один семестр навести порядок в общежитии под руководством начальника штаба ДНД студенческого общежития А. А. Карасева (на время наведения порядка). «Вы же дружинники института, - становитесь дружинниками общежития ЛКИ», сказал Е. В. Товстых.

«Таким образом, председатель студсовета общежития и начальник штаба ДНД общежития - одно лицо, благодаря чему поставленная цель - навести порядок в общежитии» быстрее достигается, потому что исключены споры и разногласия. Спрос с одного и единоначалие в одних руках. Не надо забывать, что на данный момент мы не зна-

ем и не нашли опыта внедрения подобной системы. Мы также не до конца представляем пути решения всей полноты проблем. Мы следуем по методике проектирования с одновременным внедрением. Готов блок - внедряем».

Через некоторое время после этого совещания состоялась наша с Павлом встреча с начальником кировского РОВД, согласовали порядок взаимодействия, познакомились с кураторами, заместителем и участковым, который при нас получил указание от начальника - минимум 50% времени уделять общежитию. Мы ушли удовлетворенные.

Ближайшее воскресенье - танцы в клубе «Корабел». В воскресенье начнем действовать. Прорисовываем и контролируем. Плакат о новом порядке приема посетителей висит уже неделю.

В штаб ДНД запланирована пятерка и будет участковый милиционер, на вахте - пятерка, в вестибюле первого этажа - пятерка...

Если посмотреть сверху на здание общежития, то можно увидеть, что оно имеет форму печатной буквы «П». Коридоры повторяют эту форму и составляют три одинаковых элемента. На каждый элемент по пятерке. На этаж - по три пятерки. В клуб «Корабел» - три пятерки, около клуба - две пятерки. Все проинспектированы. Выступили в 18.00. Танцы в 19.00.

Система заработала. Эффект первого воскресенья с танцами был неожиданным. Все вдруг стали вежливыми и дисциплинированными. Еще бы. Создавалось впечатление, что кругом дружинники с красными повязками и надписью ДНД, милиция и через каждые 30 минут по мегафону (взяли на кафедре физкультуры) сообщалось о порядке посещения общежития посторонними.

На вахте иногда скапливался народ, назревал конфликт, который сразу же исчерпывался, как только из штаба выходил милиционер. Он объявлял: у кого есть претензии - прошу обращаться в штаб ДНД. Постояв, уходил в штаб или в сопровождении дружинников шел в клуб, где так же объявлял, что при наличии претензий обращаться в штаб ДНД общежития. Претензий не поступало, пьяных - как ветром сдуло, большинство «ничьих» посетителей разворачивалось и уходило.

Результат: ни одной претензии по воскресенью в адрес ректора не поступило.

Через четыре воскресенья перешли на облегченный режим дежурства дружинников: одна пятерка в штабе ДНД, одна - в вестибюле и на вахте, пять - по одной на каждом этаже в дежурном режиме, когда танцы в клубе - две пятерки в клубе, две в вестибюле, без танцев - одна пятерка.

Ночь с воскресенья на понедельник для нас не закончилась, танцы закончились, а ночь нет. Мы сделали обход здания с улицы. Павел достал поэтажный план общаги и мы на нем при свете фонарика стали отмечать, номера комнат где горит свет в окнах, предполагая, что там играют в карты на деньги и там большая вероятность встретить посторонних, которые зашли в общагу с вечера пятницы или в субботу, когда на вахте дежурили только пожилые женщины. В результате обхода, было выявлено около 30 человек посторонних.

Участковый вызвал еще двух милиционеров для оформления протоколов и все равно закончили около шести утра, когда расходились - по радио звучал Гимн СССР. В 9.00 Павел докладывал ректору о том, как все прошло. Я в это уже время крепко спал, предстояло вечернее заседание студсовета по принятию мер к комнатам-нарушителям пропускного режима для посетителей, которых не только не зарегистрировали, но и позволили не менее двух суток находиться в общежитии. Заседание студсовета было достаточно жестким. Выслушивали все стороны. Очень эмоционально Павел поддерживал мою позицию по выселению из общежития всех студентов из комнат-нарушителей. У Павла было больше информации о поведенческих способностях рассматриваемых студентов - нарушителей пропускного режима. Его добавления были как гвоздь в крышку гроба. По каждой комнате голосовали отдельно. По десяти комнатам было при-

нято решение выселить. По одной комнате - выселить и ходатайствовать перед ректором об отчислении из института. Остальные комнаты-нарушители получили предупреждение о возможном выселении из общежития при повторении нарушений. На следующее утро на вахте уже висел плакат с информацией о принятых мерах.

Мы никогда не растягивали процесс реагирования на проступки. Максимум трое суток от установления факта нарушения. Последовательность следующая: узнали о факте - в этот же день или на следующий - заседание студсовета общежития и принятие решения по случившемуся факту. Максимум на утро третьих суток - информирование студентов о случившемся и принятых мерах на плакате около вахты.

Здесь уместен вопрос о том, какие в отношении студентов-нарушителей порядка проживания в общежитии принимались меры, кроме выселения из общежития и ходатайства перед ректором об исключении из института.

Меры появлялись экспромтом на заседаниях студсовета.

Направить информацию о нарушителе или комнате-нарушителе декану соответствующего факультета для принятия мер. Ответ из деканата на плакат и вывешивание на вахте. Ой, как не хотелось студентам попадать в поле зрения деканата...

Написать письмо родителям о случившемся.

Направить информацию в комсомольскую, партийную или профсоюзную организацию. Направить информацию в штаб ДНД института для принятия мер.

Самое важное в принятии мер - обратная связь и плакатное оповещение о принятых решениях. Это для большинства студентов было практическими уроками о необходимости соблюдать дисциплину и порядок в быту, и не допускать не только «впредь», но и одноразового события.

В таком жестком режиме пролетели, как во сне, пять воскресений и события между ними. Был налажен учет посторонних посетителей, их инструктирование о правилах пребывания, соблюдения порядка, дисциплины поведения в общежитии. Всего за месяц с небольшим резко ситуация в общежитии резко изменилась. С тем результатом, которого и ожидал ректор Корабелки. А именно - исчезли, или почти исчезли письма в адрес ректора с негативной информацией по общежитию.

Появились органы позитивного организующего начала в лице студенческого совета общежития и штаба ДНД общежития. Эти органы появились и заработали вместе со студенческим активом. Оказалось, что здорового ядра среди иногородних студентов значительно больше, чем желающих «побалдеть». Просто этому здоровому ядру не хватало организующего начала. Оно появилось.

Подводя итоги этому блоку проблем, для желающих использовать опыт Корабелки, обратил бы внимание на взаимопонимание и согласованные действия трех составляющих, трех сил:

1. Иногородние студенты как конгломерат особенностей.

2. Студенческий совет и ДНД общежития как защитник интересов иногородних студентов с функциями самоуправления и самообеспечения, как посредник между студентами и ректоратом по организации баланса интересов.

3. Ректорат, профессорско-преподавательский и хозяйственный состав, как сила, проявляющая чудеса изворотливости и мудрости, чтобы никто не догадался, что на самом деле именно они управляют процессом.

По прошествии пяти воскресений Павел и я составили график дежурства дружинников до конца семестра на вахте и в штабе ДНД. Павел подобрал кандидатуру начальника штаба ДНД общежития. Все это согласовал с ректором и через три месяца от назначения перестал быть командиром дружинников общежития. Командиром стал Самарин В. Я., но дружина общежития подчинялась мне, председателю студсовета общежития.

Мы с Павлом приступили ко второй части наших задумок - организации быта

студентов общежития. Как всегда, приняли соответствующее постановление и начали составлять графики дежурств по этажам на семестр.

1. Графики дежурств по мытью и натирке паркетных полов в коридорах, общей длиной около километра.

2. Графики дежурств по сухой и влажной ежедневной уборке коридоров.

3. Графики дежурств по выносу мусора с лестничных площадок.

4. Позже - графики дежурств по мытью и натирке паркетных полов в комнатах проживания. Все комнаты на этаже в одно время, раз в месяц, позже - раз в квартал.

Ежедневная уборка в комнатах проживания по мере загрязнения, но не реже одного раза в день.

Пофамильный график дежурств по ежедневной уборке комнаты, утвержденный старостой комнаты. При отсутствии графика и выбранного старосты оценка по санитарному состоянию комнаты снижалась, староста назначался на заседании факультетского студсовета.

5. Графики проведения косметического ремонта в комнатах проживания. Все графики имели графу оценки от 2 до 5. За двойку - исправление двойки и наряд на внеочередное мытье полов или вынос мусора. За тройку - исправление тройки на пятерку. При этом полученные двойки и тройки в графе оценок не исправлялись.

За месяц, квартал и год выводился средний балл по каждой комнате и отдельно средний балл по факультету. Балл по каждой комнате назывался «Балл комнаты №...», балл по факультету «Факультетский балл». Эти баллы участвовали в различных улучшениях быта студентов.

К примеру - получили для общежития новые тумбочки разных цветов и модификаций. Общее количество поделили поровну, затем представитель высшего факультетского балла отбирает из общего количества тумбочки или одной модификации и цвета, или вразнобой, следующий по величине факультетского балла выбирал из оставшегося ассортимента, а третий не выбирал, а забирал, что осталось. Моя функция, как председателя студсовета общежития, на этом заканчивалась и к дальнейшему делу приступали факультетские председатели студсоветов.

Раньше этим улучшением быта студентов занимался один комендант общежития. Студенты бежали за ним, он бежал от них с большой, как сегодня бы сказали, коррупционной составляющей. Эту функцию при поддержке ректора мы у него забрали и распорядились ею при полной открытости для студентов. Конечно, отточили эту подсистему не сразу, а в процессе осмысления ошибок и выслушивания критических замечаний. Нам самим эта подсистема нравилась. Еще бы, оценки по самообслуживанию своего быта превращались в награду, вощерение, улучшающее этот самый быт.

Отлично поработал для улучшения своего быта - вымыл полы, натер мастикой, убрал и вынес мусор и т. п.? Получи и сам себе выбери лучшую тумбочку, лучшие стулья...

Представляете, сколько всего надо для улучшения бытовых условий? Немного арифметики: на этаже 100 комнат (50 трехместных, 50 шестиместных, пренебрегаем десятиместными) На 4-х этажах - 400, плюс 50 (первый этаж). Всего - 450 комнат, в которых проживают студенты. Ежемесячно, что-то, требующее замены или доукомплектования комнат, поступает в общежитие и поступившее надо бесконфликтно распределить. Нам, в режиме самоуправления и самообслуживания, это удалось сделать.

Мощным стимулом трудиться «на отлично» на самих себя было переселение раз в год из шестиместок в трехместки на места студентов, защитивших диплом. Раньше этим единолично занимался комендант общежития по критериям, известным только ему самому, и снова - толпа в бегодке за комендантом и студент, стремящийся уединиться с комендантом. Кто кого или кто кому?

Эта функция, по согласованию с проректором по АХО В. В. Ильинским, была закреплена за студсоветом общежития. Мы за основу взяли оценки и переселяли согласно их ве-

СТУДЕНЧЕСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В 60-е

личин. Иногда, особенно при прочих равных условиях, учитывали успехи студентов в других областях общественной жизни, оценивая эти успехи на заседании студсовета в баллах. Приведу пример.

В конце 50-х и начале 60-х годов студентов заедали клопы. Что только не делали, не помогало. Клопы спокойно жили в баночках с дустом, будучи выпущенными, активно расправлялись с телами студентов. Окруженные кольцом противоклопного карандаша – спокойно пересекали любую ширину кольца. Ставили ножки кроватей в консервные баночки с водой, и дней пять тела студентов блаженствовали, пока какой-то сообразительный клоп на клопином языке командую кучей клопов двигался, а за ним – вся их толпа, по маршруту пол – вертикальная стена – потолок комнаты, с выходом точно над стоящей внизу кроватью, да не одной. «Спокойно, не суетись, всем хватит» – со свистом падают на заранее выбранный участок студенческого тела... Кушай клоп, кушай.

Все-таки один сообразительный студент переплюнул сообразительного клопа и предложил спать в обыкновенном спальном мешке, застегиваясь наглухо. Пробовали, но больше часа большинство студентов не выдерживали. Только отдельные экземпляры дотягивали до 4-х часов такого сна.

Предлагалось дышать через камышовую трубку, но и клоп не дурак. Он на выдохе распластывался, и как бы прилипал к стенкам трубки, повторяя ее обводы. На вдохе благодать, – клоп, дождавшись максимума вдоха, подпрыгивал и заносился потоком в спальный мешок. При сильном вдохе, похожим на храп, клоп заносился куда-то не туда, и в полости рта ощущалось послевкусие армянского или грузинского коньяка. Споры об этом и о количестве звезд не утихают и не утихнут до тех пор, пока на земле будет жив хоть один бывший студент ЛКИ. О послевкусии спорили, слагали легенды, сочиняли стихи и поэмы, рассказывали байки, одну из которых я сейчас привел.

Но не всем нравились споры, всем не нравилась проблема, и они искали решение. Чтобы облегчить поиск, студсовет вывесил на вахте объявление с просьбой по вопросу уничтожения клопов современными методами обращаться к председателю студсовета. В этот же день ко мне обратился студент второго курса из Волгограда. Его отец работал в Волгограде директором завода, на котором производили дихлофос, очень эффективное средство против клопов. Фамилию его я не помню, но он готов был переговорить с отцом о поставке для общежития ЛКИ требуемого количества дихлофоса.

Я тут же позвонил Павлу – его на месте не оказалось, позвонил в приемную ректора – он в командировке в Москве, позвонил В. В. Ильинскому, проректору по АХО... Он выслушал не прерывая. – Я слышал об этом веществе – начал он, оно сверх дефицитное. Мы направляли туда заявку и получили отказ. Пусть он ничего не предпринимает, приведи его завтра ко мне в кабинет и пусть он от меня звонит отцу.

Когда разговор закончился, я пересказал содержание разговора и сказал, – звони сейчас отцу, договорись, чтобы он завтра в 11.00 был на месте, и он из комнаты студсовета переговорил.

На следующий день, в 11.00 мы подошли к кабинету В. В. Ильинского, где нас ожидал Павел. Зашли в кабинет, там были главный бухгалтер института и заместитель Ильинского. Началось «совещание по телефону». Длилось минут сорок. Результатом этого совещания стали десять двухсотлитровых металлических бочек с дихлофосом во дворе общежития и тот студент, сын директора Волгоградского завода, кажется, его звали Михаил, обученный правильному использованию дихлофоса. Михаил проинструктиро-

вал ребят из своей комнаты, будем считать, обучил – и после 20 сентября 1962 года в течение пяти суток, одной бригадой из шести студентов во главе с Мишей, с клопами было покончено на десять лет вперед. За пределами 10 лет я просто не знаю.

Каков результат! Шесть человек против 450 комнат. Какова производительность! И безвозмездно!

Сделано это было по такой технологии:

- вскрытие бочки;
- выковыривание дихлофоса;
- изготовление раствора дихлофоса и воды до определенной концентрации;
- команда вынести все из комнат выполнялась с особым удовольствием, так всем осточертели клопы;
- распыление раствора по полу, стенам, потолку;
- выдержка от двух до четырех часов. Никто меньше 4-х часов не держал;
- заселение;
- обязательное мытье бригады.

Отныне Мише и его бригаде студсоветом общежития представлялись различные привилегии и выполнялись их просьбы не только общежитского характера, но и касающиеся учебного процесса. Им – второкурсникам, козерогам, небывалый и единственный случай, было предложено переселиться в трехместки, но они за пять суток совместной работы так сдружились, что отказались – так в шестиместке и закончили институт. Тогда решением студсовета студенты этой комнаты были на все годы учебы освобождены от хозяйственных работ, кому-то с «хвостами» по ходатайству студсовета был предоставлен индивидуальный план учебы и т.д.

Таким образом, подводя промежуточные итоги, следует отметить, что за 1962 год мы многое сделали:

Первое и самое главное, – уничтожили клопов. Кто не жил с клопами – не поймет. Павел и я жили. До сих пор я наполняюсь радостью от воспоминания о победе над этими противными насекомыми.

Второе – со стола ректора практически исчезла отрицательная информация по студенческому общежитию на Стачек, 88, корпус 2. А если она и появлялась, то следом, а в большинстве случаев, опережая ее – шла наша информация о принятых мерах. Это происходило потому, что первыми на месте происшествия оказывались мы – члены студсовета или дружинники общежития.

Третье – добились порядка и дисциплины в общежитии, студенты прониклись осознанием неотвратимости наказания и неизбежности поощрения через шкалу оценок.

Четвертое – добились отсутствия мусора на лестничных площадках и чистоты в коридорах, благодаря все той же шкале оценок и системы поощрений.

Хуже всего обстояло дело с повышением уровня санитарного состояния в комнатах проживания студентов.

Мы помним, что всего их 450 и в каждой комнате свой характер. Неожиданно здесь нам помог абстракционизм, которым в те годы «болело» студенчество, ну и, конечно, студенчество ЛКИ в том числе. Желающие ходили на выставки художников-абстракционистов в Эрмитаж или ездили на туристских, почти бесплатных для студентов, поездах по столицам прибалтийских республик с заездом в Каунас для знакомства с Чюрленисом, в музей его имени и возвратиться в Ленинград с новыми творческими идеями.

Для воплощения этих идей нужны были чистые, как можно большего размера полотна и мы им дали эти полотна в виде стен, пола и потолка, разрешив по заявлению в студсовет, производить косметический ремонт комнаты, в которой они проживают с согласием всех проживающих в этой комнате. Возражающих не было. Был поток желающих делать ремонт. Тем более, что

действовала формула: материалы институтские, но на определенную, ограниченную по величине, сумму в виде счетов и товарных чеков из магазинов или от производителей, а труд безвозмездный, студенческий.

В этот период нам с Павлом досталось по первое число – согласовывать и увязывать финансовую составляющую этого процесса. Но согласитесь, чистый пол в коридоре, ваши произведения на стенах, потолке и полу смотрелись очень неплохо, когда в комнате чисто и прибрано.

Почти сразу мы поняли почему так получилось. Значительная часть иногородних студентов поступала в Корабелку благодаря влиянию судомодельных кружков, а они умели строгать, пилить, красить, работать с паяльником, чертить, рисовать, творить.

Творить! Они соскучились по творчеству. Мы им эту возможность дали. Резко скакнуло желание жить в чистоте и уюте. Большинство комнат получилось в абстракционистском стиле, но были и классические полотна. Запомнилось полотно изображающее ледоход по Неве. Изображена зеркальная гладь Невы, огромные ледяные торосы, плывущие по ней, на небе темные, грозные, кучевые облака, слегка подсвеченные солнцем и маленький лучик падает на маленькую льдинку, на которой маленький, беленький зайчик и надпись «Козерог».

Кто знает, кого в ЛКИ называли козерогами, – поймет и картину. Изображали и Исаакиевский собор, Медного Всадника, решетку летнего сада и т. п.

В принципе система самоуправления и самообеспечения, сложившаяся тогда в Корабелке, полностью изложена. Остались частности, о которых в заключение сообщу телеграфным текстом:

1959 год – создание институтской ДНД.
1959/60 – создание общежитской ДНД.
1960 год – открытие студенческого клуба «Корабел» в общежитии на пр. Стачек 88/2;

Клуб выглядит как большое, побеленное известью помещение, образовавшееся в результате демонтажа межкомнатных перегородок.

В начале 1962 года Павел добивается финансирования на капитальный ремонт помещений клуба. В это же время меня назначают председателем студсовета общежития и Павел, получив от меня согласие, возлагает на меня ежедневный контроль за ходом капремонта с целью его завершения в декабре 1962 года. Сам же он решал внешние вопросы обеспечения ремонта. С задачей справились. Клуб с точки зрения освоения средств был сдан в декабре. Для студентов клуб, после укомплектования мебелью, был открыт в феврале 1963 года, одновременно с назначением нового директора в моем лице, без освобождения от должности председателя студсовета. Павел отшучивался, говоря что мы, и прежде всего – ты, «зажали» студентов, вот пусть кто зажал, тот и делает отдушину.

И пошла череда мероприятий в клубе «Корабел»:

- создали клуб по интересам, в котором, мне помнится, были любители классической музыки, их замечательные вечера, точнее лунные ночи. Свет в клубе погашен, светит луна, уличный свет несколько мешает, но главное – настрой. В креслах притихли студенты и студентки. Слушают «Лунную сонату», и не только ее. Сказка. Раз в неделю.
- любители оперы и балета, их творческие встречи и совместные вечера отдыха;
- любители поэзии,
- рукописная литературная газета...

Короче, минимум четыре будних дня в неделю – мероприятие. Суббота, воскресенье – тематические вечера отдыха, знакомство с различными Вокально-инструментальными ансамблями (ВИА), с одним из них высту-

пал Эдуард ХИЛЬ и иногда – просто танцы.

- проводились открытые заседания суда (воровство, хулиганство и т.п.)

- вечера вопросов и ответов, на которых бывал и ректор, неоднократно принимали участие проректоры, деканы, профессора, преподаватели и т.д.

На одном из таких вечеров проректор по АХЧ В. В. Ильинский, на вопрос председателя студсовета машфака по фамилии Сорока «можно ли начинать строительство столовой», неаккуратно ответил – «можно» (одобрительный гул в зале). Ильинский повторил: «можно, но...» и начал объяснять, почему нельзя. Слушали в полуха. Была пятница. Всю субботу спорили над этой фразой, пытаясь убедить нас с Павлом дать команду на начало строительства.

Можно – было у В. В. Ильинского, «нельзя» не было. Начинать было надо, а начинать не получалось. Дело было еще и в том, что уже месяц как комнаты, запланированные под столовую, стояли пустыми. Но с перегородками... Мы, спросив Сороку – до понедельника успеешь? – в ответ услышали – успею.

Махнули руками и одновременно произнесли: «Давай, Сорока, начинай», чем работали дружное «ура» присутствующих. Бригада Сороки, целый второй этаж машфаковцев, не только снесли межкомнатные перегородки, но и выбросили их на улицу, влажными тряпками протерли стены и потолок, вымыли пол. Получилось огромное чистое помещение будущей столовой, в которое утром в понедельник вошли с радостными лицами студенты и с мрачными лицами – представители ректората.

Евгений Васильевич Товстых, в полной тишине, жестом скомандовал нам отойти. Мы с Павлом отошли и он тихим, понятным только нам голосом, четко произнес «Молодцы. Но только никому, в том числе и мне, об этом не говорите». Повернулся к Ильинскому, дал команду начать строительство столовой, получил от присутствующих студентов громкое «Ура!». Сел в машину и уехал.

Через год столовая была запущена в эксплуатацию. Так закончились двухлетние увещевания студентов о нужности строительства столовой. Два года увещеваний плюс год строительства. Три года.

1967 год – введение в эксплуатацию в общежитии профилактория на 75 мест. От разговоров о необходимости до введения в эксплуатацию – уже полтора года. На церемонии открытия профилактория меня уже не было. В апреле 1966 года – защита диплома, в мае женитьба и отъезд к месту распределения. Перед отъездом зашел в клуб «Корабел» постоял в одиночестве, погрустил и ...укатил.

В истории СПбГМТУ читаю: 1966 год – в общежитии ЛКИ введено студенческое самоуправление. Отвечаю – одномоментно ввести самоуправление невозможно. Самоуправление – это процесс перевоспитания (переделки) сознания студентов, ректората с профессорско-преподавательским составом и специалистов рабочего органа самоуправления.

1965 год, во Всесоюзном смотре-конкурсе студенческих общежитий общежитию ЛКИ присуждено I место. Для меня это было полной неожиданностью. Павел тоже ничего не мог сказать. За первое место давался миллион рублей. Мы с удовольствием потратили его на мебель. Мебель распределили бесконфликтно, благодаря оценкам.

1967 год ЛКИ награждается орденом Ленина. Ректор, со слов Павла, говорил, что если бы мы не изменили ситуацию по общежитию, награды не было бы. Такой была история моей деятельности в ЛКИ. С одной стороны – грустно. С другой – грустить не надо. Впереди целая жизнь.

А.А. КАРАСЕВ,
студент ЛКИ 1957-1966

«ЗА КАДРЫ ВЕРФЯМ»

Газета Санкт-Петербургского Морского Технического Университета
Учредитель газеты: СПбГМТУ
Регистрационное свидетельство: № ПО 412, выдано Региональной инспекцией по защите свободы печати

Адрес для писем: СПб, Лоцманская ул., 3
Адрес редакции: Ленинский пр., 101, ауд. 314-6
Телефон: +7 981 839-7841
E-mail: zkv@lenta.ru
Группа ВК: vk.com/smtu_zkv
Электронная версия газеты: www.smtu.ru/zkv

Редакционная коллегия:

Александр Бутенин, Кирилл Рождественский, Борис Салов
Главный редактор: Денис Корнилов
Все фотографии номера – из архива отдела фотoinформации СПбГМТУ.
Руководитель отдела – Сергей Довгяло

Мнение редакции не обязательно совпадает с мнением авторов.
Отпечатано в типографии «Счастливым случаем».
Санкт-Петербург, Лиговский пр., 74
Тираж 500 экз. Распространяется бесплатно.
Подписано в печать: 15.10.2015. Заказ _____